

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра криминалистики

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему «ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ДИСТАНЦИОННОМ ПОРЯДКЕ (ПО
МАТЕРИАЛАМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)»

Выполнила
Судурова Карина Рафиковна
обучающийся по специальности
40.05.01 Правовое обеспечение
национальной безопасности
2021 года набора, 112 учебного взвода

Руководитель
доцент кафедры,
Рябчиков Сергей Александрович

К защите

рекомендуется
рекомендуется / не рекомендуется

Начальник кафедры

подпись

Э.Д. Нугаева

Дата защиты «__»

2026 г. Оценка

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-правовые основы и практика применения дистанционных технологий при производстве следственных действий	7
§ 1. Генезис и правовая регламентация дистанционных форм производства следственных действий	7
§ 2. Процессуальный порядок и организация дистанционного производства следственных действий	21
Глава 2. Тактические особенности, проблемы и пути совершенствования дистанционного производства следственных действий	28
§ 1. Тактика подготовки и производства отдельных следственных действий в дистанционном формате.....	28
§ 2. Анализ проблем в практике дистанционного производства следственных действий и рекомендации по их решению	40
Заключение.....	50
Список использованной литературы.....	55
Приложение.....	62

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития общества справедливо характеризуется как эпоха цифровых технологий, которые стали неотъемлемым элементом эффективного функционирования большинства социальных институтов. Правоохранительная деятельность, как сфера, непосредственно влияющая на безопасность и правопорядок, не может оставаться в стороне от этих тенденций и обязана активно интегрировать инновационные решения для повышения качества своей работы. Одним из ключевых инструментов такой трансформации выступает применение дистанционных технологий, прежде всего систем видеоконференцсвязи (далее - ВКС), в уголовном судопроизводстве.

В Российской Федерации внедрение ВКС и иных дистанционных форматов в повседневную следственную практику является относительно новым, но стремительно развивающимся направлением. Любое нововведение в столь консервативную и регламентированную сферу, как уголовный процесс, требует не только нормативного закрепления, но и глубокого теоретического осмысления, выработки единых подходов, прежде чем оно станет общепринятым стандартом работы. Особую значимость данное направление приобретает в контексте деятельности территориальных органов внутренних дел, где фактор оперативности и оптимизации ресурсов является критически важным. Однако успешная реализация потенциала дистанционного следствия напрямую зависит от решения ряда системных проблем. Фундаментальным условием является техническая оснащенность следственных подразделений. Использование ВКС предполагает наличие современного телекоммуникационного оборудования, стабильных защищенных каналов связи и специально оборудованных помещений. В настоящее время, как показывают материалы практики, особенно в районных и межрайонных отделах полиции, этот вопрос зачастую остается нерешенным в силу недостаточного материально-технического обеспечения, что создает существенный барьер для широкого применения новых технологий.

Актуальность исследования тактических и процессуальных аспектов применения дистанционных режимов обусловлена также необходимостью преодоления консервативных подходов в следственной работе. Многие следователи, в силу привычки и недостаточной информированности, продолжают использовать исключительно «традиционные» методы. В результате, для допроса участника процесса, находящегося в другой локации, следователь вынужден совершать длительные служебные командировки. Это приводит к нерациональному расходованию времени, финансовых ресурсов, затягиванию сроков расследования и, в конечном счете, снижению общей эффективности процессуальной деятельности. Между тем, институт дистанционного взаимодействия, закрепленный законодателем, изначально был направлен именно на устранение этих недостатков - на оптимизацию процесса, ускорение получения доказательств и обеспечение своевременности правосудия.

Таким образом, дистанционное производство следственных действий представляет собой сложный симбиоз правовых, тактических и организационно-технических элементов. Его эффективность зависит не только от наличия законодательной основы, но и от готовности правоохранительной системы, в первую очередь на уровне территориальных органов, к технологической модернизации и тактической адаптации классических методик расследования. Всестороннее изучение тактических особенностей дистанционного производства следственных действий на основе реальной практики органов внутренних дел становится важнейшей научно-практической задачей.

Целью данной выпускной квалификационной работы является комплексное исследование тактических особенностей производства следственных действий в дистанционном порядке и разработка научно-практических рекомендаций по их совершенствованию на материалах конкретного территориального органа МВД России.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- 1) исследовать историческую эволюцию и современную правовую регламентацию применения дистанционных технологий в уголовном

судопроизводстве;

2) проанализировать процессуальный порядок и организационные основы производства следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи;

3) выявить и систематизировать тактические особенности подготовки и проведения ключевых следственных действий (допроса, очной ставки, предъявления для опознания) в дистанционном формате;

4) на основе изучения материалов практики территориального органа МВД диагностировать типичные проблемы, тактические риски и ошибки, возникающие при дистанционном производстве следственных действий;

5) разработать практические рекомендации и пути совершенствования тактики, методики и организационного обеспечения дистанционного производства следственных действий для следственных подразделений органов внутренних дел.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе подготовки и производства следственных действий с применением дистанционных технологий в деятельности органов предварительного следствия.

Предмет исследования включает нормы уголовно-процессуального законодательства и ведомственные нормативные акты, регулирующие применение дистанционных технологий; теоретические положения криминалистики о тактике следственных действий, адаптированные к условиям дистанционного взаимодействия; практику организации и производства следственных действий в дистанционном порядке в территориальном органе внутренних дел на районном уровне; 4) тактические приемы, методики и технические средства, используемые для обеспечения эффективности и достоверности дистанционных следственных действий; 5) правовые проблемы и организационные противоречия, возникающие в правоприменительной деятельности, и возможные пути их разрешения.

Методологическую основу работы составили общенаучные (анализ,

синтез, системный подход) и частно-научные методы познания: сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический, метод контент-анализа, а также методы опроса (анкетирование, интервьюирование) сотрудников следственных подразделений.

Эмпирическая база исследования включает материалы следственной практики и обобщения территориального органа МВД, опубликованную судебную практику, данные официальной статистики, а также результаты анкетирования следователей.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, двух глав, объединяющих четыре параграфа, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

§ 1. Генезис и правовая регламентация дистанционных форм производства следственных действий

Интеграция технологического прогресса в деятельность правоохранительных органов является объективной необходимостью современности. В условиях повсеместной цифровизации, применение инновационных решений, таких как системы видеоконференцсвязи и иные дистанционные форматы взаимодействия, становится критически важным инструментом для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений. Эта тенденция отражает общий вектор развития общества, которое, как верно отметил А.Б. Смушкин, вступило в фазу информационной революции¹. Данное утверждение представляется абсолютно справедливым, поскольку информационные технологии проникли во все сферы жизнедеятельности, став их неотъемлемой частью. Правоохранительная система, будучи одним из ключевых общественных институтов, не может оставаться исключением. Её успешное функционирование сегодня напрямую связано со способностью адаптировать и внедрять передовые технологические решения, что позволяет не только оптимизировать внутренние процессы, но и качественно повысить результативность работы сотрудников.

Для глубокого понимания текущего состояния и перспектив использования технологий в следственной практике необходимо обратиться к историческому контексту их внедрения. Путь нормативно-правового регулирования данного вопроса в отечественном уголовном процессе можно условно разделить на несколько этапов. Первый, так

¹ Смушкин А.Б. Дистанционные следственные действия с электронной информацией (анализ зарубежной практики и постановка вопроса в России) / А.Б. Смушкин // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2023. № 1(21). С. 23.

называемый доправовой или эмпирический этап, характеризуется первичностью практики над теорией и законом. Многие технические средства и методики первоначально апробировались в реальной следственной работе, изучались экспертами, и лишь впоследствии, по мере накопления опыта и осознания их значимости, получали законодательное закрепление. Яркой иллюстрацией этого периода служит развитие уголовно-процессуального законодательства в XIX-XX веках. Несмотря на появление таких систематизирующих актов, как Устав уголовного судопроизводства 1864 года¹ или УПК РСФСР 1922², 1923³ и 1960 годов⁴, они не содержали прямых упоминаний о стремительно развивавшихся технических новшествах. В реальности же следственная практика того времени уже начала активно использовать возможности первых средств коммуникации (телеграф, телефон), а также методы фиксации: фотографирование и видеосъемку. Таким образом, правовая база существенно отставала от технологического прогресса, формируя уникальную ситуацию, когда применение технических средств в уголовном процессе долгое время основывалось не на конкретных нормах закона, а на практической целесообразности и постепенно складывавшихся ведомственных традициях.

Второй этап законодательной регламентации развития информационных технологий в уголовном процессе сопоставим с принятием УПК РСФСР 1960 года, так как в данный период на территории нашего государства происходит технологический прогресс во всех сферах деятельности, в том числе и в уголовном судопроизводстве. В рассматриваемый период времени применение

¹ Устав уголовного судопроизводства: Изд. 1914 г. со всеми позднейшими узаконениями и объясн. по реш. Угол. кас. деп. Правит. Сената по 1916 г. / Сост. пом. прис. пов. Д.А. Каплан; Изд. канд. права Л.М. Ротенберга. 2-е изд., испр., доп. и вновь обраб. - Екатеринбург: Тип. И.Е. Коган, 1916. XIII, С.938.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. Москва: Народный комиссариат юстиции 9 августа 1923 г. № 54. Отд. 1. 1923. С. 981–992.

³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. Москва: Народный комиссариат юстиции. Источник электронной копии: ПБ 1 марта 1923 г. № 7. Отд. 1. 1923. С. 97–178.

⁴ Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Закон РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 31 октября 1960 г., № 40, С. 592.

информационных технологий в уголовном процессе стало просто неизбежно, так как общество диктовало новые правила, появились новые виды преступлений и все это требовало применения информационных технологий в уголовном процессе нашего государства и соответственно применение информационных технологий уже не могло существовать без правовой регламентации. Указанный выше факт способствовал появлению нормативного регулирования применения информационных технологий, которое еще было на стадии зарождения, так как нормативно-правовой базы, помимо УПК РСФСР 1960 г., регламентирующей уголовное судопроизводство в нашем государстве еще не было.

Самое распространенное использование информационных технологий в уголовном процессе применялось криминалистами, которые в своей компетенции при осуществлении профессиональной деятельности могли использовать технические средства.

Рассмотренный ранее УПК РСФСР 1960 года, как уже отмечалось ранее, не включал в себя регламентацию применения технических средств в уголовном процессе, несмотря на то, что криминалисты в указанный период имели доступные технические средства, которые активно применяли в своей деятельности, следовательно, при использовании технических средств, без правовой регламентации появились проблемы и вопросы их применения криминалистами, поэтому требовался нормативный документ, способствовавший регламентации применения и использования определенных технических средств криминалистами и иными лицами уголовного процесса.

В связи с вышеуказанными фактами, в 1966 году правительством РСФСР было принято решение о необходимости поправок в существующий УПК РСФСР 1960 г., путем издания Указа Президиума Верховного Совета РСФСР, который внес поправки в имеющийся УПК РСФСР 1960 г., тем не менее, поправки в ст. 141 УПК РСФСР 1960 г. заключались в добавлении возможности применения технических средств при изготовлении протокола следственного

действия¹. Второй этап формирования законодательных основ для информационных технологий в уголовном судопроизводстве логично соотносится с периодом действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года. Это время ознаменовалось ускоренным технологическим развитием во всех областях государственной и общественной жизни, и сфера правосудия не стала исключением. Стремительная трансформация общества, появление новых форм криминальной активности и рост сложности расследований сделали внедрение технических средств в процесс доказывания объективной необходимостью. Использование информационных технологий перестало быть факультативным и стало неизбежным ответом на вызовы времени. Однако их стремительное проникновение в следственную практику остро поставило вопрос о легитимации и чёткой процессуальной регламентации, поскольку применение таких методов уже не могло оставаться в правовом вакууме.

Практическим локомотивом этого процесса выступили специалисты-криминалисты, которые в рамках своей экспертной и следственной деятельности стали наиболее активными пользователями первых технических новшеств. Несмотря на то, что сам УПК РСФСР 1960 года изначально не содержал развёрнутых норм, разрешающих или регулирующих применение подобных средств, криминалисты эмпирически, исходя из профессиональной необходимости, начали использовать доступную аппаратуру для фиксации и исследования доказательств. Это породило правовую коллизию: передовые методы работы существовали де-факто, но де-юре оставались неурегулированными², что создавало неопределённость в вопросах допустимости полученных таким путём доказательств и правил их использования.

¹ Власов П.Е. Проблемы производства следственных действий в дистанционном формате // Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 22 марта 2024 года. Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. С. 20.

² Савельева М.В. О необходимости разработки тактики дистанционных следственных действий // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2022. № 2. С. 278.

Данное противоречие потребовало законодательной реакции. В 1966 году были внесены первые существенные поправки в УПК РСФСР 1960 года через Указ Президиума Верховного Совета РСФСР. Ключевые изменения коснулись статьи 141, регламентирующей протокол следственного действия. Законодатель, наконец, официально закрепил право использования технических средств при составлении протоколов, подразумевая, прежде всего, применение пишущих машинок. Это было принципиальным новшеством, так как ранее кодекс регламентировал лишь содержание и порядок оформления протокола, но не способы его материального изготовления. Более того, в обновлённой редакции статьи прямо упоминались возможности применения в ходе следственных действий звукозаписи, фотографирования и киносъёмки, что заложило фундамент для легализации целого спектра криминалистических технологий в уголовном процессе. Таким образом, данный этап можно охарактеризовать как период первичной легализации, когда закон начал догонять практику, закрепляя уже укоренившиеся, но ранее неформализованные методы работы.

Следующим закономерным шагом в процессе правовой институционализации технических средств стало детальное регулирование порядка их применения в рамках конкретных следственных действий. Как справедливо указывала Е.Е. Язева, аппаратура, доступная в тот период: фотокамеры, работающие на плёнке, громоздкие кинокамеры и катушечные магнитофоны, основывалась на аналоговых технологиях, требовавших специфических условий для получения и обработки материалов¹. Внесение поправок в УПК РСФСР 1960 года позволило перейти от эмпирического использования техники к её формально-процессуальному закреплению. Первоочередное внимание законодателя было уделено звукозаписи при проведении такого ключевого действия, как допрос. В нормах были прописаны не только сама возможность её применения, но и строгие процедурные требования, направленные на обеспечение полноты, достоверности и

¹ Язева Е.Е. Актуальные проблемы дистанционного производства следственных действий // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 1. С. 106.

недопустимости злоупотреблений.

Сформированный регламент был достаточно детализирован. Закон предписывал, что аудиозапись должна была фиксировать весь ход допроса непрерывно, от начала и до его официального завершения, исключая выборочное или частичное документирование. По окончании процедуры допрашиваемому лицу предоставлялось право прослушать всю запись целиком, после чего оно должно было подтвердить факт окончания следственного действия и корректность аудиофиксации. Данные требования были напрямую связаны с обязательным составлением письменного протокола, в который вносился целый комплекс сопроводительных сведений. В протоколе фиксировались факт уведомления участника о применении звукозаписи, технические параметры использованного оборудования, заявления лица по поводу такой фиксации, отметка о воспроизведении ему записи, а также завершающие удостоверения правильности как текста протокола, так и аудиоматериала со стороны следователя и допрашиваемого. Эта процедура демонстрирует, что уже к середине 1960-х годов в советском уголовном процессе сложился целостный, хотя и базовый, алгоритм легального применения технических средств фиксации. Наличие чётких правил, несомненно, облегчало работу следователя, предоставляя ему законодательно утверждённый инструментарий и снижая риски оспаривания доказательств ввиду процессуальных нарушений.

Однако раннее регулирование носило фрагментарный характер и не охватывало всех аспектов. Так, в 1966 году законодатель не поставил вопрос о необходимости учёта и инвентаризации самой аппаратуры (диктофонов, магнитофонов), используемой для следственных нужд. Фактическое применение основывалось на технологиях магнитной плёнки, которые, будучи прорывом для своего времени, с позиций сегодняшнего дня отличались ограниченным качеством записи и сложностью в архивировании и воспроизведении. Дальнейшее развитие событий показало, что прогресс в области коммуникаций неизбежно влечёт за собой потребность в новых процессуальных формах контроля. Важной вехой стало дополнение УПК РСФСР в 2001 году новой

статьёй 174.1, что, ознаменовало выход законодательного регулирования за рамки фиксации уже идущего следственного действия¹. Данная норма впервые на уровне кодекса легализовала, под судебным контролем, оперативно-розыскные по своей сути мероприятия: контроль и запись телефонных и иных переговоров подозреваемых, обвиняемых и иных лиц, причастных к расследованию тяжких и особо тяжких преступлений. Это расширило понятие «применение технических средств» от пассивной фиксации до активного инструмента собирания доказательств на доследственной стадии.

Проведённый анализ наглядно демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению роли и расширению спектра информационных технологий, применяемых в следственной практике. Круг используемых технических средств неуклонно рос, эволюционируя параллельно с развитием общества. Важно понимать, что этот процесс носил диалектический характер: технологический прогресс, приносящий очевидные преимущества для правосудия, одновременно порождал и новые вызовы. Появление и распространение инновационных средств коммуникации и обработки информации не только помогало следствию, но и открывало новые возможности для криминальной деятельности. Методы совершения преступлений также совершенствовались, становясь всё более изощрёнными и технологичными, что вынуждало правоохранительные органы постоянно наращивать свой технический арсенал для адекватного противодействия.

Следует отметить, что в рассмотренный исторический период техническая база следствия базировалась преимущественно на аналоговых процессах - магнитная лента, фотоплёнка. Однако сама нормативная база долгое время не акцентировала внимание на этой технологической специфике, ограничиваясь общими разрешительными формулировками. Ситуация начала кардинально

¹ Нугаева Э.Д. Алгоритмы следственных действий на первоначальном этапе расследования мошенничества при оказании оккультных услуг, совершенных дистанционным способом // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18-1. С. 79.

меняться на рубеже XX и XXI веков, когда государство на высшем уровне осознало стратегическую необходимость системного внедрения информационных технологий в уголовный процесс. Это осознание привело к активному формированию целого пласта нормативно-правовых актов, призванных регламентировать не только применение, но и развитие IT-средств в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Завершающим и наиболее динамичным этапом в этой эволюции справедливо считается период с 2001 года по настоящее время, точкой отсчёта для которого послужило принятие действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее - УПК РФ). Начало XXI века ознаменовалось качественным прорывом, и уголовно-процессуальное законодательство наконец дало чёткое и развёрнутое нормативное отражение возможностям современных информационно-технических средств. Несмотря на то, что активное законотворчество в этой сфере велось с конца прошлого столетия, многие принимавшиеся акты отличались фрагментарностью и недолговечностью, что свидетельствует о сложности поиска оптимальных правовых моделей для быстро меняющихся технологий.

Процесс технологизации уголовного процесса во многом инициировался и поддерживался на высшем политическом уровне. Ещё в советский период ключевые директивные документы, такие как постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1965 г. «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка» и «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» 1970 г.², прямо указывали на необходимость широкого внедрения новейших научно-технических достижений в работу правоохранительной и судебной систем. Эта установка создала важный прецедент, заложив идею о том, что технологическая

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. ст. 2345.

² Язева Е.Е. Актуальные проблемы дистанционного производства следственных действий // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 1. С. 109.

модернизация является не просто внутренним делом ведомств, а задачей государственной важности, что в дальнейшем предопределило вектор развития и в современной России.

Для систематизации многообразия технических средств, вовлекаемых в уголовный процесс, представляет интерес классификация, предложенная П.С. Элькинд, основанная на функциональном назначении¹. Автор выделял три основные категории: 1) средства, которые сами по себе являются материальными носителями информации о существенных обстоятельствах дела и, соответственно, выступают в роли доказательств; 2) средства, используемые исключительно для составления процессуальных документов (например, пишущие машинки, позднее - компьютеры); 3) средства, применяемые непосредственно в ходе следственных действий для поиска, фиксации, проверки доказательств, а также их последующего воспроизведения в суде².

Вопросу теоретического осмысления роли технологий в уголовном судопроизводстве была посвящена совместная монография таких видных процессуалистов, как Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев и П.С. Элькинд³. Хотя в их работе не проводился детальный анализ конкретных технологических решений, ценность данного исследования заключается в том, что оно стало одной из первых попыток системно обозначить и проанализировать комплекс проблем, возникающих при внедрении информационных технологий и технических средств в следственную практику. Авторы констатировали, что, несмотря на активное эмпирическое использование техники, её правовое регулирование и регламентация оставались фрагментарными и непоследовательными, порождая многочисленные коллизии.

На рубеже XX-XXI веков в профессиональном сообществе сформировалось неоднозначное, а зачастую и скептическое отношение к

¹ Элькинд П.С. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство // Сов. Юстиция. 1977. № 3. С. 7.

² Там же С. 8.

³ Савельева М.В. О необходимости разработки тактики дистанционных следственных действий // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2022. № 2. С. 277.

внедрению ряда специфических технологий, таких как полиграф, гипноз в целях получения информации или одорология. Основное противоречие заключалось в сложности их процессуальной идентификации. Эти методики с трудом подпадали под классическое понимание уголовно-процессуальных технологий, будучи в большей степени связанными с арсеналом криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. М.Д. Романченко, например, относил их к числу «новшеств», не вписывающихся в традиционные рамки информационных технологий судопроизводства¹. Данная терминологическая и сущностная неопределённость сохраняет свою актуальность и сегодня, являясь предметом дискуссий среди теоретиков права.

Т.В. Горбенко указывает на глубинное трансформирующее влияние технологий на профессию следователя. Он отмечал, что их внедрение потребовало существенной перестройки организации труда, приведя к необходимости большей специализации сотрудников и развития новых форм организационной интеграции между различными подразделениями в процессе расследования². Информационные технологии постепенно переставали быть вспомогательным инструментом, становясь неотъемлемым компонентом процессуального доказывания и ядром профессиональной деятельности следователя, направленной на эффективное раскрытие преступлений.

Отдельный пласт научной дискуссии был связан с выработкой адекватной терминологии. Известный криминалист Р.С. Белкин, стремясь к терминологической точности в интересах криминалистической науки, предлагал отказаться от широкого понятия «научно-техническое средство» в пользу более узкого - «технико-криминалистическое средство». Свою позицию он аргументировал тем, что далеко не весь технический арсенал следователя

¹ Романченко М.Д. Дистанционное проведение следственных действий: современные технологии и их влияние // Государство, право, общество: системные основы развития и взаимодействия: Сборник статей научно-представительских мероприятий. Москва: Индивидуальный предприниматель Колупаева Елена Владимировна, 2025. С. 327.

² Горбенко Т.В. Теоретико-прикладная модель криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2023. № 3. С. 225.

(например, простейшие инструменты вроде щупа или молотка) может быть охарактеризован признаком «научности»¹. Эту точку зрения поддерживал и профессор О.Я. Баев, также указывавший на некорректность отнесения всех технических средств к научно-техническим². Оппонентом данной позиции выступал А.А. Рудых, утверждавший, что любое техническое средство, в конструкции или принципе действия которого заложены хотя бы элементарные научные знания, может претендовать на статус научно-технического³. Эта полемика подчёркивает сложность формирования единого понятийного аппарата на стыке права, техники и криминалистики.

Динамичное развитие общественных отношений и технологической среды предъявляет повышенные требования к уголовному судопроизводству, которое нуждается в постоянном совершенствовании своих форм и инструментов. Знаковым этапом в этом процессе стала масштабная судебная реформа, реализованная в Российской Федерации в период с 2007 по 2011 годы. Её ключевыми задачами были провозглашены повышение эффективности правосудия, доступности судебной защиты и оптимизация материально-технического обеспечения судов. В рамках данной реформы Правительством Российской Федерации была утверждена целевая программа «Развитие судебной системы России»⁴, в результате выполнения которой в процессуальное законодательство была внедрена важная новелла. Она предоставила право использовать специальные средства связи для совершения процессуальных действий на расстоянии в ходе предварительного расследования. Эта мера была

¹ Белкин Р.С. Криминалистика и научно-технический прогресс. М.: Высш. школа МВД СССР, 1972. С. 345.

² Баев О.Я., Солодов Д.А. Криминалистический комментарий к процессуальному порядку производства следственных действий по УПК России. М.: Эксмо, 2010. С. 120.

³ Рудых А.А. К вопросу криминалистического обеспечения информационной безопасности дистанционных следственных действий // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: Сборник материалов международной научно-практической конференции, Иркутск, 16-17 марта 2023 года. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 107.

⁴ Баданова А.Н. О технико-криминалистическом обеспечении производства дистанционных следственных действий // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2022. № 2. С. 195.

призвана не только модернизировать судебную систему, но и создать правовые предпосылки для повышения оперативности и гибкости всего уголовного процесса.

Таким образом, судебная реформа 2007-2011 гг. выступила катализатором для развития и первоначального внедрения дистанционных систем именно в судебной практике¹. Естественно, реализация этого нововведения потребовала создания серьёзной технической инфраструктуры, что повлекло значительные бюджетные расходы. На первом этапе оборудование для ВКС было закуплено и установлено для Верховного Суда РФ, что позволило отработать технологию и процедуры. Однако со временем, по мере развития программы, техническое оснащение получили суды всех уровней и инстанций. Сегодня наличие защищённых систем для проведения сеансов видеоконференцсвязи является стандартом для российских судов, что кардинально изменило возможности для удалённого участия в процессе его участников.

Идея дальнейшего расширения применения дистанционных технологий не ограничилась судебной стадией. В 2015 году законодателями был разработан проект федерального закона № 764131-6, предполагавший внесение дополнений в УПК РФ в части производства предварительного расследования с применением систем ВКС. Однако данный законопроект не получил поддержки и был отклонён. Основными причинами отказа послужили соображения экономического и организационного характера. Парламентарии указывали на отсутствие к тому моменту необходимой технической оснащённости во всех следственных подразделениях, особенно в регионах, и на неприемлемо высокие финансовые затраты, которые потребовались бы из государственного бюджета для всеобъемлющего внедрения этой технологии на досудебных стадиях.

С технической точки зрения, видеоконференцсвязь представляет собой

¹ Власов П.Е. Тактические особенности производства следственных действий в дистанционном режиме // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 15 ноября 2024 года. Омск: Омская академия МВД РФ, 2025. С. 100.

способ интерактивного обмена информацией между удалёнными абонентами через интернет-сети. В контексте уголовного процесса ВКС трактуется как специализированная телекоммуникационная технология, обеспечивающая интерактивное взаимодействие двух и более участников, находящихся в разных локациях, с целью обмена аудио- и видеoinформацией в режиме реального времени. Для участия в сеансе ВКС его участникам необходимо базовое техническое обеспечение: компьютер или специализированное устройство, оснащённое камерой и микрофоном, а также стабильный доступ к защищённым интернет-каналам связи.

Все законодательные нормы, регулирующие уголовный процесс, включая и положения о ВКС, подчинены фундаментальной задаче - обеспечению прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией Российской Федерации¹. Исходя из этого, первостепенной целью внедрения видеоконференцсвязи и иных дистанционных режимов в уголовное судопроизводство является создание дополнительных гарантий для реализации конституционных прав участников процесса, например, права на доступ к правосудию или права на защиту. Параллельно технология преследует важные прагматические цели по совершенствованию и оптимизации деятельности правоохранительных органов. Её использование способствует оперативному, законному и экономически эффективному получению и закреплению доказательств, что в конечном итоге формирует прочную основу для объективного раскрытия и расследования преступлений. Таким образом, ВКС выступает инструментом, синтезирующим задачи гуманизации процесса и повышения его эффективности.

Правовое регулирование любого института, включая применение дистанционных технологий в уголовном судопроизводстве, основывается на

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 4 октября 2022 г. № 8- ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 8, ст. 1416.

фундаментальных руководящих идеях - принципах. Как справедливо отмечает С.И. Яценко, под принципами следует понимать закреплённые в законе основополагающие положения, определяющие сущность и направленность деятельности государственных органов на всех стадиях уголовного процесса¹. Принципы использования ВКС и иных дистанционных режимов логически вытекают из целей их внедрения, рассмотренных ранее. Поскольку ключевой целью является обеспечение конституционных прав и свобод, то и принципы дистанционного взаимодействия во многом корреспондируют с конституционными началами, такими как принцип равенства всех перед законом и судом - статья 19 Конституции Российской Федерации. Помимо этого, они тесно переплетаются с общеотраслевыми принципами уголовного процесса, закреплёнными в УПК РФ, например, с принципом законности.

В научной литературе, в том числе в работах К.С. Плахота, при анализе внедрения телекоммуникационных средств принято классифицировать соответствующие принципы на межотраслевые (заимствованные из конституционного и иных отраслей права) и сугубо отраслевые (криминалистические). Более детальная классификация, предложенная К.С. Плахота, разделяет принципы по характеру их влияния на систему правосудия. Автор выделяет судоустройственные и судопроизводственные принципы².

1. Судоустройственные (организационные) принципы. Эти принципы обеспечивают построение и организацию работы системы органов, осуществляющих уголовное преследование и правосудие. Ярким примером является конституционный принцип независимости судей и их подчинения

¹ Яценко С.И. Применение дистанционных технологий в допросе и их влияние на тактику проведения данного следственного действия // Уголовно-правовое обеспечение правоохранительной деятельности: взгляд молодежи: Материалы научно-практической конференции, проведенной в рамках I Съезда Молодежной секции Международного союза криминалистов, Москва, 27 сентября 2024 года. Москва: Московская академия следственного комитета, 2024. С. 402.

² Плахота К.С. Особенности оформления результатов следственных действий, осуществляемых дистанционно // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 4 (65). С. 108.

только закону (статья 120 Конституции Российской Федерации), который создаёт организационные гарантии беспристрастности суда при использовании любых технологий, включая ВКС.

2. Судопроизводственные (функциональные) принципы. Данная группа принципов определяет порядок деятельности должностных лиц и участие иных субъектов в уголовном процессе. К ним относится, например, принцип состязательности сторон (статья 15 УПК РФ), который в условиях дистанционного формата требует создания равных технических и процессуальных возможностей для защиты и обвинения.

Таким образом, исторический путь технологизации уголовного процесса, начавшийся с эмпирического применения отдельных технических средств ещё в XIX веке, прошёл через этап первичной легализации в УПК РСФСР 1960 года и достиг своего нормативного оформления в современном УПК РФ 2001 года. Видеоконференцсвязь и иные дистанционные режимы, будучи продуктом этого развития, обладают собственными целями и принципами применения. Эти принципы, укоренённые в конституционных и отраслевых нормах, формируют правовой фундамент, который обеспечивает легитимность, справедливость и эффективность использования удалённых технологий. Детальный анализ конкретных правовых основ, регламентирующих применение ВКС в следственной и судебной деятельности, будет проведён в следующем параграфе настоящей главы.

§2. Процессуальный порядок и организация дистанционного производства следственных действий

Первопроходцем в деле законодательной интеграции ВКС в уголовное судопроизводство стала статья 376 УПК РФ. Данная норма предоставила осуждённому, заявившему о своём желании присутствовать при рассмотрении кассационной жалобы или представления на приговор, право участвовать в судебном заседании. Форма такого участия могла быть либо непосредственной,

либо реализованной с применением систем видеоконференцсвязи для изложения своей позиции, причём окончательное решение по этому вопросу оставалось за судом. Это первоначальное регулирование носило ограниченный, пробный характер и, как показала практика, не в полной мере отвечало нарастающим потребностям в гибких дистанционных форматах правосудия, оставляя значительную дискрецию судебным органам.

Существенную роль в формировании более чётких правовых ориентиров сыграла правоприменительная практика Конституционного Суда Российской Федерации. В Определении от 10 декабря 2002 года по жалобе Д.Т. Худоерова¹ Суд установил, что положения, аналогичные ст. 376 УПК РФ, не могут трактоваться как лишаящие обвиняемого, содержащегося под стражей, права донести свою позицию до суда кассационной инстанции при рассмотрении жалоб на решения о мере пресечения, будь то путём личного участия или иным установленным способом. Эта правовая позиция получила дальнейшее императивное развитие в Определении Конституционного Суда от 16 ноября 2006 года по жалобе А.С. Давыдова². В нём был сформулирован важнейший принцип: конституционно-правовой смысл УПК РФ исключает проведение судебного заседания в отсутствие подозреваемого, обвиняемого или осуждённого и обязывает обеспечить последнему, по его ходатайству, возможность представить свою позицию суду. Эта возможность должна быть реализована через непосредственное участие, использование систем видеоконференцсвязи или иные допустимые способы. Как отмечает Д.Р. Сергеева, именно эти решения высшего судебного органа конституционного контроля послужили мощным катализатором для последующих

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2002 г. № 315- О По жалобе гражданина Худоерова Дониера Тошпулатовича на нарушение его конституционных прав статьей 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2003. № 5. Ст. 502.

² Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 538-О По жалобе гражданина Давыдова Андрея Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007.

законодательных изменений, направленных на детальную регламентацию применения ВКС в уголовном процессе ¹.

Учёт накопленной почти за семилетний период судебной практики привёл к более системному закреплению дистанционного участия в законе. Так, статья 407 УПК РФ была дополнена нормой, предоставляющей лицу, содержащемуся под стражей, или осуждённому, отбывающему наказание в виде лишения свободы, право участвовать в судебном заседании лично или посредством ВКС при условии заявления соответствующего ходатайства. Ещё одним шагом стало закрепление в части 6 статьи 35 УПК РФ (после внесения изменений соответствующим федеральным законом) права обвиняемого при изменении территориальной подсудности уголовного дела участвовать в судебном заседании посредством видеоконференцсвязи. Это положение было направлено на преодоление организационных сложностей, связанных с переподсудностью, и обеспечение непрерывности реализации права на защиту независимо от места нахождения обвиняемого. Таким образом, эволюция нормативного регулирования ВКС прошла путь от осторожной факультативной нормы до признания её одним из гарантированных законом способов обеспечения фундаментальных процессуальных прав участников уголовного судопроизводства.

Важным этапом в расширении сферы применения дистанционных технологий стало внесение изменений в статью 399 УПК РФ. Федеральный закон, регулирующий данный вопрос, закрепил за судом обязанность обеспечивать осуждённому, который обжалует постановление об отказе в условно-досрочном освобождении, реальную возможность участия в судебном заседании. Норма прямо предусмотрела, что такое участие может быть

¹ Сергеева Д.Р. Особенности проведения следственных действий с использованием виртуального пространства и дистанционных технологий // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты : Сборник научных статей XVIII международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования в рамках V Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей», Санкт-Петербург, 28 мая 2025 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. С. 650.

обеспечено как личным присутствием, так и с использованием систем видеоконференцсвязи. Это законодательное решение, касающееся вопросов исполнения приговора, стало существенной гарантией прав личности на стадии постпенитенциарного контроля, демонстрируя тенденцию к распространению дистанционных технологий на все этапы уголовного судопроизводства.

Масштабы и востребованность таких технологий в современной судебной системе подтверждаются объективной статистикой. Согласно данным, представленным Официальным сайтом Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации, нагрузка на суды остаётся чрезвычайно высокой: в 2024 году ими было рассмотрено свыше 39 миллионов дел в первой инстанции, а за 2025 год этот показатель составил около 40 миллионов. Для эффективной работы с таким массивом суды активно внедряют цифровые инструменты. Только в 2025 году было проведено более 350 тысяч судебных заседаний с применением видеоконференцсвязи и свыше 300 тысяч - с использованием технологий веб-конференции¹. Анализ этих цифр позволяет сделать вывод о том, что ВКС перестала быть экзотической новацией, превратившись в рутинный, массовый инструмент, который объективно способствует оптимизации судебного процесса, обеспечивая существенную экономию временных и финансовых ресурсов государства. Положительный опыт судов, не нарушающий при этом процессуальные права участников, создаёт благоприятные предпосылки для более активного внедрения аналогичных дистанционных форматов и на досудебных стадиях, в деятельности органов предварительного расследования.

Правовой основой для такого внедрения служат нормы УПК РФ, регламентирующие использование технических средств. Базовым положением является часть 6 статьи 164 УПК РФ, которая в принципе допускает применение технических средств и способов для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств в ходе следственных действий. При

¹ Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/31566 (дата обращения: 03.02.2026).

этом следователь обязан заранее предупреждать участников о таком применении. Более специализированное регулирование, непосредственно касающееся дистанционных технологий, содержится в статье 191 УПК РФ. Согласно новой редакции её части 5, применение видеоконференцсвязи или киносъёмки является обязательным при производстве ряда следственных действий: допроса, очной ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. Эта обязанность действует за исключением случаев, когда сам несовершеннолетний или его законный представитель прямо возражают против проведения аудио-видеофиксации. Данная норма, имеющая охранительную цель в отношении наиболее уязвимых участников процесса, одновременно выступает и легальным каналом для использования ВКС в досудебном производстве, задавая конкретные процедурные рамки для её применения.

Современное уголовно-процессуальное законодательство предоставляет дополнительные правовые инструменты для охранительного подхода к участию несовершеннолетних. В частности, часть 6 статьи 281 УПК РФ устанавливает, что оглашение ранее данных показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, а также демонстрация материалов фото-, аудио-, видеофиксации или киносъёмки их допроса могут осуществляться судом в отсутствие самого несовершеннолетнего, без его повторного вызова и допроса. Повторный допрос допускается только по мотивированному решению суда, вынесенному по ходатайству стороны или по собственной инициативе. В совокупности с ранее упомянутыми положениями части 5 статьи 191 УПК РФ, которая предписывает обязательную аудио-видеофиксацию допроса несовершеннолетних, данные нормы формируют правовую основу для применения видеоконференцсвязи как способа проведения такого допроса, позволяя минимизировать психологическую травматизацию ребёнка, связанную с посещением правоохранительных органов или суда.

Специализированным основанием для использования дистанционных технологий в досудебном производстве выступает статья 189.1 УПК РФ. Эта

норма прямо предусматривает возможность проведения ряда ключевых следственных действий: допроса, очной ставки и опознания, с использованием систем видеоконференцсвязи. Важным сигналом для распространения данной практики послужило и законодательное закрепление ВКС в смежных областях. Так, Федеральный закон от 12 ноября 2018 года № 410-ФЗ, внося изменения в Кодекс об административных правонарушениях, узаконил применение видеоконференцсвязи при рассмотрении дел об административных правонарушениях¹. Этот шаг, хотя и относящийся к иной юрисдикции, создал важный прецедент и стимулировал дискуссию о целесообразности более активного внедрения аналогичных технологий в уголовно-процессуальную деятельность на стадии предварительного расследования.

Общий вектор на цифровизацию и использование электронных коммуникаций очевиден и в системе Министерства внутренних дел. Внедрение и развитие единых информационных систем, таких как интегрированная система оперативно-розыскной деятельности (ИСОД), свидетельствует о постепенном, но неуклонном движении в сторону дистанционных режимов сбора и обработки информации. Этот процесс направлен на повышение оперативности и эффективности раскрытия преступлений при неукоснительном соблюдении принципов законности, объективности и обеспечения достоверности формируемой доказательственной базы.

Однако между технической возможностью и её полномасштабной процессуальной реализацией часто существует разрыв. В настоящее время оборудование для видеоконференцсвязи присутствует практически во всех подразделениях полиции. Тем не менее, во многих из них его функционал используется ограниченно - преимущественно для проведения внутренних совещаний, инструктажей или учебных занятий, то есть в служебно-административных целях. Для трансформации ВКС из инструмента корпоративной

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 12.11.2018 № 410-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23 октяб. 2018 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 7 нояб. 2018 г. // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2018. №47. Ст. 7131.

коммуникации в полноценный механизм производства следственных действий необходима дальнейшая системная работа. Она включает как совершенствование и детализацию правовой базы, устраняющую существующие пробелы и противоречия, так и активное накопление, и обобщение практического опыта. Любое нововведение в столь ответственной сфере, как уголовное судопроизводство, внедряется постепенно и с должной осмотрительностью, чтобы избежать ошибок, способных повлиять на судьбы людей и законность принимаемых решений.

Таким образом, можно констатировать, что правовое регулирование применения систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе России находится в стадии активного становления и развития. Исторически определённую роль в этом процессе играли международные обязательства. Однако в современных геополитических условиях, связанных, в частности, с прекращением действия для России ряда международных конвенций, актуальность формирования собственной, суверенной и детальной национальной законодательной базы многократно возрастает¹. Первостепенной задачей видится создание комплексного правового режима, который регламентировал бы применение ВКС не только в суде, но и на досудебных стадиях, прямо наделяя следователей и дознавателей полномочиями по производству следственных действий с использованием дистанционных технологий при соблюдении всех гарантий прав участников процесса.

¹ Горбенко Т.В. Дистанционное решение технико-криминалистических задач следственных действий поисково-познавательного характера // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 4 (54). С. 31.

ГЛАВА 2. ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

§ 1. Тактика подготовки и производства отдельных следственных действий в дистанционном формате

Развитие Российской Федерации как государства, основанного на знаниях и информационных технологиях, носит стратегический характер. Важной вехой на этом пути стало утверждение Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»¹. Данный документ задаёт чёткий вектор на цифровую трансформацию государственного управления, предписывая обеспечить поэтапный переход всех органов власти к активному использованию инновационных технологий и электронного документооборота, придающего электронным документам равную юридическую силу с бумажными аналогами. Успешный опыт масштабной автоматизации и внедрения дистанционных сервисов в таких структурах, как Социальный фонд (СФР) и многофункциональные центры (МФЦ), служит убедительным доказательством эффективности подобных решений и формирует объективный социальный запрос на скорейшую цифровизацию деятельности правоохранительных органов, включая следственный аппарат.

В системе Министерства внутренних дел технологическая инфраструктура для этого уже в значительной степени создана. Так, системы видеоконференцсвязи получили широкое распространение и активно используются для оперативного взаимодействия между территориальными подразделениями. Однако их основной функционал зачастую сводится к

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (дата обращения: 03.02.2026).

проведению дистанционных совещаний, инструктажей и учебных мероприятий, то есть к решению внутриорганизационных, управленческих задач. Параллельно в ведомстве успешно развиваются и внедряются современные системы электронного документооборота. Всё это свидетельствует о наличии необходимого технологического задела и общей тенденции к использованию технических средств в повседневной работе. Тем не менее, потенциал этих технологий, в частности ВКС, в качестве непосредственного инструментария для получения и фиксации доказательств в рамках уголовных дел раскрыт ещё не в полной мере.

Как верно отмечает Д.И. Аглетдинова, современное уголовное судопроизводство закономерно эволюционирует в сторону «цифровой плоскости»¹. Ярким подтверждением этому служит законодательное закрепление в УПК РФ возможности проведения следственных действий с применением видеоконференцсвязи. Эта технология обеспечивает полноценное интерактивное взаимодействие участников процесса в режиме реального времени, что позволяет преодолевать значительные расстояния без ущерба для состязательности и непосредственности восприятия. Некоторые категории уголовных дел, особенно носящие трансграничный характер или связанные с расследованием в труднодоступных регионах, делают применение дистанционных режимов не просто желательным, а объективно необходимым для обеспечения оперативности и полноты расследования.

По мере развития данного направления и накопления правоприменительной практики постепенно расширяются и критерии допустимости доказательств, полученных с использованием дистанционных технологий. Наличие формирующейся специальной правовой базы и положительный опыт судебных инстанций в использовании ВКС создают

¹ Аглетдинова Д.И. Актуальные вопросы проведения следственных действий при расследовании дистанционных мошенничеств // Актуальные вопросы научного познания молодого ученого: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 2024. С. 29.

предпосылки для более широкого и уверенного применения этих методов на стадии предварительного расследования. Таким образом, правоохранительная система находится на пороге качественного перехода от использования цифровых технологий преимущественно для административных нужд к их интеграции в само ядро процессуальной деятельности, в механизм доказывания.

В рамках исследования для сбора эмпирических данных о практической готовности следственного аппарата к внедрению новых технологий автором в период прохождения преддипломной практики был проведён специализированный опрос. Местом проведения выступил отдел полиции № 10 Управления Министерства внутренних дел России по городу Уфе. Целевой аудиторией стали действующие следователи и дознаватели, которым предлагалось выразить своё профессиональное отношение и оценить целесообразность дистанционного производства различных следственных действий. Полученные результаты отражают текущее состояние мнений практикующих специалистов.

Респондентам был предложен перечень следственных действий для оценки необходимости их дистанционного проведения:

1) Допрос свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста, подозреваемого, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей: 100% опрошенных высказались за необходимость и целесообразность проведения данных допросов в дистанционном режиме.

2) Очная ставка: абсолютное большинство, 100% респондентов, поддержали возможность проведения очной ставки дистанционно.

3) Предъявление для опознания: 70% опрошенных следователей и дознавателей сочли проведение этого действия при помощи дистанционных технологий целесообразным.

4) Освидетельствование: 60% опрошенных следователей и дознавателей подтвердили необходимость возможности его дистанционного проведения.

5) Следственный эксперимент: только 25% опрошенных сотрудников

видят допустимость его осуществления путём дистанционного режима.

6) Проверка показаний на месте: ни один из опрошенных сотрудников не счёл допустимым проведение данного следственного действия дистанционно.

7) Допрос обвиняемого: 30% респондентов выразили мнение о нецелесообразности и недопустимости дистанционного допроса обвиняемого.

8) Допрос подозреваемого: в отношении подозреваемого мнение было единодушным, поскольку 0% опрошенных посчитали такой формат недопустимым, что указывает на его допустимость в глазах респондентов.

9) Получение образцов для сравнительного исследования: все опрошенные сочли дистанционный режим для данного следственного действия недопустимым, что также интерпретируется как отрицание его возможности.

Анализ полученных данных позволяет сформулировать следующие выводы о профессиональных предпочтениях практиков:

Во-первых, следует выделить следственные действия с высоким потенциалом для их проведения в дистанционном формате. К ним сотрудники относят допрос большинства участников уголовного процесса (за исключением обвиняемого), очную ставку, предъявление для опознания и освидетельствование. Эти действия воспринимаются как наиболее адаптируемые к условиям удалённого взаимодействия без критичной потери эффективности.

Во-вторых, следственные действия, которые в меньшей степени нуждаются в дистанционном режиме их проведения. В эту группу, по мнению опрошенных, входят следственный эксперимент, проверка показаний на месте, допрос обвиняемого и получение образцов для сравнительного исследования. Правоприменители указывают на принципиальную важность личного присутствия, непосредственного восприятия обстановки или физического контакта для этих действий, что делает их перевод в дистанционный формат, по их оценке, нецелесообразным или даже невозможным без ущерба для достоверности результатов.

Таким образом, следует отметить, что проведенное исследование

отношения сотрудников полиции к дистанционному проведению следственных действий выявило избирательное отношение следователей и дознавателей к дистанционным технологиям в их профессиональной деятельности. Существует чёткое разделение следственных действий на две группы: 1) дистанционный формат проведения следственных действий видится как прогрессивный и полезный инструмент; 2) дистанционный формат проведения следственных действий воспринимается как противоречащий самой сути действия. Важный вывод заключается в том, что даже в случае гипотетического законодательного разрешения на проведение действий второй группы, например, проверки показаний на месте дистанционно, они, с высокой долей вероятности, не получат широкого практического применения ввиду устойчивого профессионального скепсиса и убеждённости в их неэффективности в удалённом формате. Это указывает на необходимость не только правового, но и методического, психологического сопровождения внедрения новых технологий, направленного на преодоление консерватизма и демонстрацию реальных возможностей и гарантий дистанционных режимов.

Анализ первичных данных, собранных в ходе интервью с действующими сотрудниками следственных подразделений Отдела полиции № 10 Управления МВД России по городу Уфе, позволяет констатировать, что текущее правовое регулирование дистанционного производства следственных и судебных действий характеризуется фрагментарностью и недостаточной определённой. Эта правовая неопределённость напрямую коррелирует с крайне низкой степенью практического внедрения соответствующих технологий в повседневную следственную работу. Единичные случаи проведения следственных действий с использованием дистанционных форматов на территории Уфы лишь подтверждают общую тенденцию осторожного и выборочного подхода к данному институту. Параллельно в других сферах государственного управления наблюдаются более прогрессивные подходы, которые могли бы служить ориентиром для правоохранительных органов. Так, принятый на законодательном уровне проект о вручении повесток в военкомат

через портал «Госуслуги» демонстрирует модель, потенциально применимую и в уголовном процессе. Аналогичный механизм дистанционного направления процессуальных документов, например, повесток на явку к следователю, через защищённые ведомственные системы, например, ИСОД, мог бы стать значительным шагом вперёд. Это позволило бы оптимизировать временные и материальные ресурсы, затрачиваемые на их бумажное изготовление и физическое вручение, а также создать автоматизированную и юридически значимую систему фиксации факта и времени их отправки, что упростило бы процедуру привлечения к ответственности за неявку.

Одним из ключевых барьеров на пути широкого внедрения, отмеченных практиками, является состояние материально-технической базы. Несмотря на то, что оборудование для видеосвязи присутствует практически во всех отделах полиции Управления МВД России по г. Уфе, его качество и современность зачастую оставляют желать лучшего. Устаревшая или нестабильно работающая техника не может служить надёжной основой для формирования полноценной правоприменительной практики дистанционных следственных действий, о необходимости которой говорят и теоретики¹. Этот фактор серьёзно ограничивает возможности следователей даже при наличии формального желания использовать новые технологии.

П.А. Самсонов указывает, что видеоконференцсвязь эффективна и допустима в тех случаях, когда источником доказательственной информации является вербальное сообщение и визуальный облик конкретного участника уголовного процесса². Таким образом, допрос, очная ставка, освидетельствование или предъявление для опознания вполне могут быть объективно и достоверно зафиксированы с помощью ВКС. Однако проведение

¹ Власов П.Е. Совершенствование процессуального порядка и тактики проведения следственных действий в дистанционных режимах // Российский следователь. 2024. № 2. С. 25–29.

² Самсонов П.А. Дистанционное производство следственного действия с участием обвиняемого, находящегося за пределами Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2024. № 4 (191). С. 359.

следственного эксперимента или проверки показаний на месте требует от следователя не только взаимодействия с лицом, но и непосредственного восприятия окружающей обстановки, а также возможности оперативного исследования и изъятия материальных следов. Эти действия по своей природе не могут быть полноценно осуществлены дистанционно. Следовательно, дистанционный формат целесообразно применять преимущественно для получения вербальной информации от участников процесса.

Важнейшим условием легитимности дистанционного допроса является добровольное согласие на такую форму участия самого допрашиваемого лица¹. Это требование вытекает из конституционных принципов, гарантирующих лицу право защищать свои интересы всеми не запрещёнными законом способами, что включает и выбор формы взаимодействия со следствием.

В настоящее время работа по системной регламентации данного института продолжается. Об этом свидетельствует внесённый в Государственную Думу Российской Федерации законопроект № 1184595-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»², который призван установить детальный порядок проведения допроса в дистанционном режиме, устранив существующие пробелы в регулировании.

В целях преодоления существующих правовых пробелов и стимулирования практического применения дистанционных технологий на досудебной стадии исследователями и практиками разрабатываются конкретные законодательные инициативы. Так, О.И. Локтевич представили проект

¹ Дударев В.А., Маевский С.С. Дистанционное проведение отдельных следственных действий: тенденции, перспективы, критический анализ // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 65.

² Казаха М.В. Дистанционные следственные действия: исключение из правил или отражение современной действительности в уголовно-процессуальной системе России? // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики: сборник статей XX Международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 01–02 апреля 2021 года. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2022. С. 669.

изменений в статью 189.1 УПК РФ¹. По замыслу автора, предлагаемые поправки призваны создать более чёткие и удобные процессуальные механизмы, которые будут способствовать активному и легитимному использованию дистанционных систем следователями для целей собирания доказательств.

Отдельного внимания заслуживают предложения по технико-юридическому обеспечению достоверности таких действий. Как отмечает Д.А. Сиротинин, видеозапись дистанционно произведённого следственного действия, инициированная и осуществляемая органом расследования, должна носить обязательный характер². Такой «видеопротокол» может быть технологически усилен: он может содержать достоверные данные системы позиционирования, фиксирующие географическое местоположение, дату и точное время нахождения каждого участника. Для придания ему максимальной юридической силы видеопротокол может заверяться квалифицированной электронно-цифровой подписью или идентифицироваться с использованием биометрических данных участников, что сводит к минимуму риски оспаривания его аутентичности.

Процедурный порядок применения ВКС на стадии предварительного расследования, хотя и получил определённое закрепление, остаётся относительно новым, содержащим множество нерешённых вопросов и требующим дальнейшего совершенствования. Условно этот порядок можно описать следующей алгоритмической последовательностью.

При возникновении необходимости в дистанционном следственном действии следователь вступает в контакт с соответствующим участником процесса и предлагает ему данный формат участия. Одновременно следователь

¹ Локтевич О.И. Деятельность следователя по обеспечению права на защиту при проведении «дистанционных» следственных действий // Юстиция Беларуси. 2024. № 5 (266). С. 50.

² Сиротинин Д.А. Место производства следственного действия при использовании дистанционных технологий // Проблемы и перспективы разработки и интеграции современных технологий: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 24 марта 2025 года. Стерлитамак: Агентство международных исследований, 2025. С. 195.

указывает конкретный территориальный орган МВД России, выступающий в роли удалённой площадки, куда участнику необходимо прибыть для технического обеспечения сеанса связи. Получив ходатайство или приняв самостоятельное решение, следователь или дознаватель выносит мотивированное постановление о производстве следственного действия посредством ВКС. Копия этого постановления через систему межведомственного электронного взаимодействия направляется в указанный территориальный орган. Должностное лицо принимающего подразделения выполняет ключевые организационно-проверочные функции: вручает участнику копию постановления под роспись, проводит установление его личности, приобщает к материалам заверенную копию документа, удостоверяющего личность, и направляет оцифрованный образ всего пакета документов инициатору следственного действия через сервис электронного документооборота.

Специальные условия проведения таких действий, в частности допроса, регламентированы статьёй 189.1 УПК РФ. Анализ данной процессуальной нормы позволяет выделить ключевые обстоятельства, при которых проведение допроса с использованием ВКС считается возможным и оправданным: 1) объективная невозможность личного участия. Личное присутствие допрашиваемого лица в месте нахождения следователя исключено в силу непреодолимых объективных причин: значительная географическая удалённость, состояние здоровья, нахождение под стражей в другом регионе и т.п.; 2) процессуальная целесообразность. Существует обоснованная необходимость в том, чтобы допрос конкретного лица был проведён непосредственно тем должностным лицом, которое в полном объёме ведёт расследование и обладает всей информацией по делу, что повышает качество и целенаправленность допроса; 3) территориальная разобщённость. Местонахождение допрашиваемого лица находится за пределами территориальной юрисдикции или логистической доступности для следователя, ведущего уголовное дело.

Таким образом, действующий порядок представляет собой начальный,

рамочный механизм, который требует, как технической модернизации, так и детальной юридической проработки для перехода от эпизодического использования к системной практике. Порядок организации и проведения дистанционного допроса с использованием ВКС предполагает четкое распределение функций между следователем и сотрудником территориального органа. Следователь направляет соответствующее поручение в то подразделение МВД России, на территории которого находится или куда прибывает допрашиваемое лицо. Процедура начинается с того, что сотрудник принимающего подразделения устанавливает личность явившегося участника процесса путем проверки документов. Только после подтверждения личности и технической настройки связи следователь, в производстве которого находится уголовное дело, получает возможность начать непосредственное производство допроса в дистанционном формате.

Процессуальное оформление результатов такого следственного действия имеет свои особенности. Протокол следственного действия составляется по месту фактического нахождения допрашиваемого лица. После оглашения содержания протокола вслух подписи в нем ставят как сам допрашиваемый, так и сотрудник, обеспечивавший его присутствие и техническую сторону процедуры. В протоколе обязательно делается специальная отметка, фиксирующая факт проведения допроса в дистанционном режиме с применением ВКС. Оформленный надлежащим образом протокол вместе с копиями документов, удостоверяющих личность допрашиваемого, в соответствии с требованиями статьи 189.1 УПК РФ должен быть направлен инициатору допроса в срок, не превышающий 24 часа. Получив материалы, следователь, проводивший допрос, заверяет их своей подписью и приобщает к материалам уголовного дела.

Важным этапом в развитии правовой основы для проведения дистанционных следственных действий стало принятие Федерального закона от

29.12.2022 № 610-ФЗ¹, который ввел в УПК РФ новую статью 241.1, специально посвященную участию в судебном заседании путем использования систем ВКС. Данный закон также привел редакцию статьи 278.1 УПК РФ в соответствие с новыми нормами, установив, что производство допроса и иных судебных действий с использованием ВКС осуществляется по общим правилам с учетом особенностей, предусмотренных статьей 241.1. Эти изменения свидетельствуют о продолжающейся системной работе законодателя по детализации и унификации правил применения дистанционных технологий как на досудебной, так и на судебной стадиях процесса.

Анализ общих правил проведения дистанционных следственных действий позволяет выделить существенные законодательные ограничения. Закон прямо не допускает проведение допроса, очной ставки или опознания с использованием ВКС в тех случаях, когда это может повлечь разглашение сведений, составляющих государственную тайну, или данных о лице, в отношении которого применяются меры государственной защиты². Эти ограничения направлены на обеспечение высшего уровня безопасности и конфиденциальности. Неотъемлемой частью материалов уголовного дела становится видеозапись произведенного дистанционного следственного действия. В соответствии с положениями статьи 189.1 УПК РФ данный видеоматериал приобщается к протоколу в качестве приложения, обеспечивая наглядную и объективную фиксацию всего хода процедуры.

Подводя итог, можно констатировать, что действующий порядок проведения следственных действий с использованием видеоконференцсвязи и иных дистанционных режимов, несмотря на значительный прогресс в законодательном регулировании, продолжает нуждаться в дальнейшем совершенствовании. Требуется более тщательная и детальная правовая

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2022 г. № 610-ФЗ: // СЗ РФ. 2023. № 1. ст. 57.

² О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 25.12.2018) // СЗ РФ. № 34. 23.08.2004. ст. 3534.

регламентация условий, технических стандартов и процессуальных гарантий, которая позволит преодолеть существующие пробелы и сделать дистанционный формат полноценным, эффективным и надежным инструментом современного уголовного судопроизводства. Для успешного развития и внедрения дистанционных форматов в практику досудебного производства по уголовным делам необходим комплексный подход¹, выходящий за рамки исключительно правового регулирования. Помимо совершенствования норм процессуального закона, ключевое значение приобретают вопросы материально-технического обеспечения и кадровой готовности сотрудников.

Проведение следственного действия с использованием дистанционных технологий требует от следователя не только процессуальных знаний, но и технической компетентности, а также тщательной предварительной организации. Подготовка к такому мероприятию включает в себя как теоретический аспект (изучение регламента, формулировка вопросов с учетом дистанционного формата), так и практическую, материальную составляющую. Последняя предполагает обеспечение стабильного доступа к защищенным телекоммуникационным сетям, проверку работоспособности и правильную настройку оборудования: веб-камеры, микрофонов, средств аудио- и видеозаписи, а также специализированного программного обеспечения. Отсутствие надежной технической базы или недостаточные навыки работы с ней могут свести на нет все преимущества дистанционного взаимодействия и поставить под сомнение достоверность полученных результатов.

Что касается конкретной практики, то, согласно полученным в ходе исследования данным, в отделе полиции № 10 Управления МВД России по городу Уфе статья 189.1 УПК РФ, непосредственно регламентирующая проведение допроса, очной ставки и опознания с использованием ВКС, до настоящего времени не применялась. Основной причиной этого сотрудники

¹ Мосин И.В. Тактические особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования дистанционных мошенничеств // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (22). С. 56.

указывают отсутствие насущной процессуальной необходимости в её использовании при расследовании находившихся в их производстве дел. Немаловажным фактором является и относительная новизна данной правовой нормы, которая была введена в действующую редакцию УПК РФ Федеральным законом от 30 декабря 2021 года № 501-ФЗ. Таким образом, несмотря на наличие законодательной возможности, её практическая реализация пока не стала рутинной частью следственной работы в обследованном подразделении, что отражает общую ситуацию постепенного и осторожного освоения новых технологических инструментов на местах.

§2. Анализ проблем в практике дистанционного производства следственных действий и рекомендации по их решению

Проведённый анализ правовых и практических аспектов применения дистанционных технологий позволяет оценить их значительный потенциал для оптимизации предварительного расследования. Ряд авторов, таких как Р.Р. Галяутдинов¹, убедительно аргументируют, что внедрение видеодопроса способно в разы сократить сроки следствия за счёт исключения длительных и ресурсозатратных командировок. Схожей позиции придерживается А.Н. Баданова², отмечая, что производство допроса или очной ставки посредством ВКС является инструментом существенной экономии времени следователя при одновременном повышении общей эффективности расследования.

Процедурный механизм организации такого взаимодействия определён частью 2 статьи 189.1 УПК РФ. Следователь или дознаватель, ведущий дело,

¹ Галяутдинов Р.Р. К вопросу о дистанционном проведении некоторых следственных действий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 4 (54). С. 81.

² Баданова А.Н. О реализации проекта «Передвижной модуль для проведения дистанционных следственных действий» // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 3 (37). С. 155.

направляет письменное поручение в территориальный орган по месту нахождения необходимого участника процесса с требованием организовать его участие в следственном действии с использованием ВКС. Однако при оценке эффективности важно учитывать и временные рамки, установленные законом. Согласно положениям статьи 187 УПК РФ, общая продолжительность допроса не может превышать 8 часов в день, при этом после первых 4 часов обязателен перерыв не менее чем на один час. Практический опыт свидетельствует, что качественный и всесторонний допрос, а тем более сложная очная ставка, редко укладываются в 4 часа, а перерывы зачастую превышают минимально установленный срок. Таким образом, для производства одного такого действия оказываются задействованы как минимум двое сотрудников, следователь и обеспечивающий сотрудник на удалённой площадке, на протяжении полного рабочего дня. Это ставит под сомнение кадровую и экономическую целесообразность подобной модели. Время сотрудника, оказывающего технико-организационное содействие, могло бы быть использовано с гораздо большей отдачей для работы по собственным уголовным делам. Альтернатива в виде создания в штатах специальных должностей для выполнения таких поручений также выглядит неэффективной с точки зрения оптимизации бюджетных расходов на правоохранительную систему.

В качестве прогрессивной альтернативы можно рассмотреть модель, минимизирующую необходимость участия второго сотрудника. Речь идёт о проведении допроса по защищённому каналу видеосвязи с последующим подписанием протокола с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (далее - ЭЦП) участника. Данная технология способна значительно ускорить процесс получения доказательств без ущерба для их процессуального качества. Усиленная квалифицированная ЭЦП будет одновременно выполнять несколько функций: служить надёжным средством удостоверения личности участника, подтверждать факт его ознакомления с правами и обязанностями, а также фиксировать его согласие с содержанием протокола. Это позволит сократить административные издержки и

перераспределить кадровые ресурсы, направив их на решение непосредственно следственных задач.

Одним из актуальных вопросов, требующих научно-практической проработки, является неопределённость процессуального статуса должностного лица, обеспечивающего техническую и организационную сторону дистанционного следственного действия. УПК РФ детально регламентирует статус участников, привлекаемых к следственным действиям: специалиста, эксперта, педагога, переводчика, защитника и других. Часть 7 статьи 164 УПК РФ также предусматривает возможность участия должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Однако статья 189.1 УПК РФ, посвящённая дистанционным следственным действиям, оставляет без чёткого определения правовое положение следователя, дознавателя или иного сотрудника органа дознания, который оказывает содействие на удалённой площадке. Это порождает правовой пробел: какими конкретно полномочиями и обязанностями в отношении допрашиваемого лица он обладает¹? Представляется логичным и обоснованным наделить такое лицо аналогичным комплексом прав и обязанностей, который имеет следователь, непосредственно проводящий допрос. Это обеспечит единый стандарт процессуальных гарантий и ответственности независимо от формата участия.

Ещё одной содержательной проблемой является вопрос определения времени производства следственного действия в условиях дистанционного взаимодействия. Часть 3 статьи 189.1 УПК РФ предписывает указывать в протоколе время производства следственного действия как по месту его составления, так и по месту нахождения допрашиваемого лица. Возникает коллизия: что делать, если в этих географических точках различаются часовые пояса, и действие, проводимое днём в одном регионе, приходится на ночное

¹ Ушаков А.Ю., Кирянина И.А. О введенной в уголовно-процессуальный закон норме, позволяющей проводить отдельные следственные действия посредством дистанционных ресурсов Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 1. С. 58.

время в другом? Текущая редакция закона не содержит механизма разрешения этой ситуации. В качестве возможного решения представляется целесообразным в случаях, когда у одного из участников наступает ночное время, получать его удостоверенное электронной цифровой подписью добровольное согласие на участие в следственном действии. Для унификации процессуальных сроков и избегания дальнейших споров предлагается считать датой и временем производства действия дату и время по месту нахождения лица, производящего расследование, то есть инициатора данного мероприятия. Это создаст чёткий и однозначный ориентир для всех участников.

Включение в УПК РФ отдельной, комплексной статьи, детально регулирующей применение информационных технологий, стало бы значительным шагом на пути к модернизации уголовного процесса. Такое нововведение способно существенно упростить процедуру производства следственных действий, сократить процессуальные сроки и минимизировать финансовые и временные издержки для всех участников. В частности, отпадёт необходимость для свидетелей, потерпевших и иных лиц преодолевать зачастую огромные расстояния для участия в следственных действиях.

Наглядной иллюстрацией практической пользы может служить гипотетическая ситуация, когда ключевой свидетель, проживающий, например, в Хабаровске, в силу состояния здоровья либо полученных травм физически не способен покинуть город. Организация служебной командировки следователя в Хабаровский край сопряжена со значительными расходами на перелёт и проживание, которые могут не укладываться в текущие бюджетные лимиты или быть вовсе не профинансированы. В подобном случае статья 189.1 УПК РФ предоставляет эффективный альтернативный механизм. Следователь получает возможность провести допрос в установленные законом сроки, свидетель даёт показания в комфортных и безопасных для себя условиях, а государственный бюджет избегает непредвиденных и зачастую обременительных расходов. Таким образом, дистанционный формат выступает инструментом, оптимизирующим ресурсы и повышающим доступность правосудия.

Проведение следственных действий с использованием современных технологий открывает путь к их оптимизации наиболее рациональными способами. Логичным и перспективным направлением дальнейшего развития представляется применение видеоконференцсвязи для производства следственных действий в отношении лиц, находящихся за пределами Российской Федерации. Это позволило бы преодолеть значительные процессуальные и логистические сложности, связанные с международным правовым сотрудничеством.

Для обеспечения единообразия судебной и следственной практики на законодательном или, как минимум, межведомственном уровне необходимо урегулировать вопрос о формате сохранения результатов следственных действий, произведенных посредством ВКС. В отсутствие четких регламентирующих инструкций существует высокий риск того, что должностные лица будут сохранять аудиовизуальные материалы в произвольных форматах файлов, что в дальнейшем может создать проблемы с их воспроизведением, проверкой подлинности и приобщением к материалам уголовного дела. В связи с этим предлагается изложить часть 4 статьи 189.1 УПК РФ в следующей форме: «Применение видеозаписи в ходе следственных действий, предусмотренных настоящей статьей, является обязательным. Материалы видеозаписи подлежат сохранению в формате, гарантирующем их долговременную сохранность, целостность и возможность последующего беспрепятственного воспроизведения, после чего они приобщаются к протоколу соответствующего следственного действия в качестве его неотъемлемой части».

При этом, чтобы не перегружать текст УПК РФ излишне детализированными техническими предписаниями, представляется целесообразным разработать и принять специальный межведомственный нормативный акт - приказ или инструкцию. В этом документе должны содержаться понятные, последовательные и непротиворечивые алгоритмы действий сотрудников при организации и проведении следственных действий с

использованием систем видеоконференцсвязи, включая технические стандарты и требования к программному обеспечению.

Отдельного нормативного разрешения требует вопрос о процедурных действиях в случае возникновения нештатной ситуации в ходе дистанционного следственного действия. Речь идет о таких обстоятельствах, как внезапное отключение электропитания, критический сбой в работе связи или программного обеспечения, которые могут привести к утрате полученных показаний до момента их надлежащего процессуального оформления. В целях защиты прав участников процесса и сохранения доказательств предлагается дополнить статью 189.1 УПК РФ новой частью 9 следующего содержания: «В случае возникновения в ходе следственного действия, проводимого с использованием систем видеоконференцсвязи, нештатной ситуации (технического сбоя), создающей реальную угрозу безвозвратной утраты полученной информации до ее надлежащего оформления, данное следственное действие подлежит незамедлительному прекращению и переносу на другое время. Порядок переноса осуществляется в соответствии с правилами, установленными статьей 188 настоящего Кодекса. Факт и причины возникновения нештатной ситуации подлежат обязательной фиксации в протоколе». Данное дополнение создаст правовую определенность и установит четкий порядок действий для следователей в экстренных ситуациях, минимизируя риски нарушения процессуальных прав граждан.

Примечательно, что производство следственных действий в дистанционном формате, предусмотренное статьей 189.1 УПК РФ, может найти своё применение и в сфере международного правового сотрудничества. В частности, при необходимости направления международного запроса о правовой помощи в порядке, установленном статьей 453 УПК РФ, видеоконференцсвязь может быть рассмотрена как эффективный инструмент для получения показаний от лиц, находящихся за рубежом, что позволит избежать длительных и сложных процедур экстрадиции или организации очного допроса с выездом за пределы страны.

Опыт зарубежных государств демонстрирует, что использование видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве давно перестало быть инновацией и стало частью устоявшейся правовой практики. Например, в Швейцарской Конфедерации Уголовно-процессуальный кодекс¹, отражая современные технологические достижения, предоставляет прокуратуре и судам право проводить допрос с использованием ВКС, если личное присутствие допрашиваемого невозможно или сопряжено с чрезмерными расходами. Статья 144 УПК Швейцарии специально оговаривает, что такая связь должна обеспечивать передачу как звука, так и изображения, тем самым устанавливая минимальные стандарты качества, необходимые для соблюдения принципа непосредственности судопроизводства.

В Республике Казахстан в рамках реализации масштабных программ правовой политики, включая Стратегию «Казахстан-2050», был осуществлён целенаправленный процесс внедрения оптимальных правовых механизмов. Результатом стало включение в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан² 2014 года отдельной главы 26, посвящённой институту дистанционного допроса, что свидетельствует о системном подходе к цифровизации уголовного процесса.

В Азербайджанской Республике данная процедура не только законодательно закреплена, но и успешно апробирована на практике. В соответствии со статьёй 51-2 УПК Азербайджана³, в случае необходимости допроса участника процесса, находящегося за пределами страны, постановление об этом, вынесенное следователем, прокурором или судом, направляется для исполнения компетентному органу иностранного государства в рамках оказания правовой помощи, что придаёт процедуре легитимный межгосударственный характер.

¹ Овчинникова О. В. Производство дистанционных следственных действий: опыт зарубежных стран // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3 (38). С. 88.

² Там же С. 89.

³ Там же С. 90.

Как отмечает в своих исследованиях Е.Г. Кравец, применение видеоконференцсвязи в международном сотрудничестве получило прочные правовые основания после ратификации Россией Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам¹. Статья 9 данного Протокола, вступившего в силу для РФ с 1 января 2020 года, прямо предусматривает возможность оказания правовой помощи путём проведения допроса в режиме видеоконференции.

При этом важно отметить, что до формирования чёткой нормативной базы подобные практики, хотя и имели место, нередко сталкивались с проблемой допустимости полученных доказательств. Е.Г. Кравец приводит характерный пример из судебной практики 2020 года, связанный с расследованием дорожно-транспортного происшествия. Для допроса свидетеля, находившегося в Эстонской Республике, следователь использовал общедоступный сервис видеосвязи «Skype». Протокол допроса был подписан свидетелем дистанционно и направлен по электронной почте, а его бумажный оригинал - обычной почтой. Несмотря на то, что суд впоследствии принял эти материалы в качестве доказательств, с точки зрения строгого соблюдения процедуры международного сотрудничества такой подход являлся недопустимым, поскольку запрос в компетентные органы Эстонии направлен не был, и действие было совершено в обход установленных межгосударственных каналов. Этот случай наглядно иллюстрирует острую потребность в чётком законодательном регулировании, которое обеспечило бы законность и признаваемость доказательств, полученных с использованием дистанционных технологий в трансграничном контексте.

При планировании направления международного запроса о правовой помощи с использованием дистанционных технологий необходимо учитывать не только правовые, но и технологические аспекты сотрудничества.

¹ Кравец Е.Г. Ресурсное обеспечение дистанционных следственных действий сквозь призму технико-экономического анализа // Актуальные проблемы предварительного расследования, Волгоград, 24–26 октября 2019 года. Волгоград: ИП Черняева Юлия Игоревна (Издательский дом «Сириус»), 2020. С. 96.

Первостепенное значение имеет вопрос о том, применяет ли государство-исполнитель запроса ВКС для производства следственных действий в рамках своего национального законодательства. Кроме того, в соответствии с условиями части 1 статьи 189.1 УПК РФ, требуется наличие технической возможности для обеспечения такого взаимодействия как в государстве-инициаторе, так и в государстве-исполнителе. Фактически это означает, что технические средства, качество передачи звука, видео и стабильность соединения должны быть сопоставимы и соответствовать минимальному приемлемому уровню в обеих юрисдикциях. Соблюдение данных технических требований является обязательным условием для гарантирования законных прав участников процесса и обеспечения достоверности полученных показаний. В противном случае суд может признать доказательства, полученные в ходе такого сеанса, недопустимыми ввиду невозможности объективной проверки условий их получения.

В целях чёткой регламентации данной процедуры на законодательном уровне представляется целесообразным дополнить статью 453 УПК РФ «Направление запроса о правовой помощи» новой частью следующего содержания: «1.1. В случае необходимости производства на территории иностранного государства допроса, очной ставки или опознания с использованием систем видеоконференцсвязи суд, прокурор, следователь, руководитель следственного органа или дознаватель вносит в компетентный орган или должностному лицу иностранного государства запрос об организации и проведении такого следственного действия. Указанный запрос направляется в соответствии с международным договором Российской Федерации, международным соглашением или на основе принципа взаимности. При этом обязательным условием является предварительное согласование и подтверждение технологической возможности и готовности иностранного государства к проведению следственного действия в указанном формате».

Таким образом, действующие положения статьи 189.1 УПК РФ нуждаются в дальнейшей детализации и уточнении, которые должны учитывать широкий

спектр возможных ситуаций, включая трансграничное взаимодействие. Системное совершенствование данной нормы способно привести к устранению потенциальных процессуальных коллизий, упрощению производства следственных действий, значительному сокращению их сроков и надёжному сохранению доказательственной информации.

Ключевой проблемой, препятствующей активному применению видеоконференцсвязи и иных дистанционных режимов, остаётся отсутствие у сотрудников правоохранительных органов достаточного практического опыта работы с этими технологиями. Несмотря на очевидный потенциал данных инструментов для оперативного и ресурсосберегающего расследования, многие следователи и дознаватели в силу консервативности, недостаточной информированности или отсутствия навыков продолжают отдавать предпочтение традиционным, зачастую более затратным методам работы. Преодоление этого разрыва между технологическими возможностями и кадровой готовностью является одной из важнейших задач на пути цифровой трансформации следственной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование тактических особенностей производства следственных действий в дистанционном порядке позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, подтверждающих актуальность и значимость темы, а также раскрывающих её научно-практический потенциал. Дистанционные технологии, в первую очередь системы видеоконференцсвязи, перестали быть экспериментальным инструментом и прочно вошли в практику российского уголовного судопроизводства, особенно на судебной стадии. Однако их полноценная интеграция в деятельность органов предварительного расследования, в частности в следственные подразделения территориальных органов МВД, находится на начальном, переходном этапе и сопряжена с комплексом взаимосвязанных правовых, тактических, организационных и технических проблем.

Эволюция нормативного регулирования прошла сложный путь от «доправового», эмпирического применения первых технических средств в XIX–XX веках до их фрагментарной легализации в советский период и, наконец, до системного, но ещё незавершённого закрепления в современном Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Ключевой вехой стало введение статьи 189.1 УПК РФ, создавшей формальную процессуальную возможность для производства допроса, очной ставки и опознания с использованием ВКС. Тем не менее, действующая правовая база отличается наличием существенных пробелов, коллизий и излишней обобщённостью, что порождает правовую неопределённость для практикующих следователей и дознавателей. Принципы применения дистанционных технологий, укоренённые в конституционных и отраслевых основах уголовного процесса (законность, обеспечение прав участников, состязательность, непосредственность), требуют для своей реализации в цифровой среде разработки специальных процессуальных и технических гарантий.

Эмпирическое исследование, проведённое на базе отдела полиции № 10

УМВД России по г. Уфе, выявило избирательное и во многом осторожное отношение практиков к дистанционным форматам. Следственные действия условно делятся сотрудниками на две группы: с высоким потенциалом адаптации к дистанционному формату (допрос большинства участников, очная ставка, предъявление для опознания) и с низкой приемлемостью к дистанционному формату (следственный эксперимент, проверка показаний на месте, получение образцов), где личное присутствие и непосредственное восприятие следственной обстановки считаются критически важными. Существенным барьером для внедрения выступает не только правовая неопределённость, но и реальное состояние материально-технической базы. Несмотря на повсеместное наличие оборудования для ВКС, его качество, современность, а также пропускная способность и защищённость выделенных каналов связи зачастую не соответствуют высоким требованиям, предъявляемым к процессуальному действию, направленному на собирание допустимых доказательств. Ключевыми тактическими особенностями подготовки и производства дистанционных следственных действий являются: необходимость тщательного технического планирования и тестирования; повышенное внимание к установлению психологического контакта и контролю невербальных реакций в условиях опосредованного общения; чёткое нормативное распределение функциональных обязанностей и ответственности между инициатором действия и обеспечивающим сотрудником; разработка специальных алгоритмов объективной и защищённой от модификаций фиксации хода и результатов действия.

В ходе исследования были систематизированы ключевые проблемы, препятствующие эффективному использованию дистанционных режимов. К ним относятся: 1) процессуально-статусная неопределённость - отсутствие чёткого правового статуса, прав и обязанностей сотрудника, обеспечивающего техническую сторону действия на удалённой площадке; 2) пробелы в процедурном регламенте - неурегулированность вопросов определения времени действия при разнице часовых поясов, стандартизированных форматов

сохранения и удостоверения аудиовизуальных материалов, чёткого алгоритма действий при внезапных технических сбоях; 3) кадровый и технический дефицит - недостаток практического опыта, специальных цифровых компетенций и навыков у следователей, профессиональный консерватизм, а также неудовлетворительное техническое оснащение ряда подразделений, особенно в регионах; 4) ограничения для трансграничного взаимодействия - сложности, связанные с необходимостью технологической совместимости, наличия соответствующих международных договорённостей и процедур при использовании ВКС в рамках оказания правовой помощи.

На основе проведённого анализа сформулирован комплекс научно-практических рекомендаций, направленных на совершенствование рассматриваемой сферы. В области законодательства целесообразно детализировать и дополнить ст. 189.1 УПК РФ, устранив выявленные пробелы: закрепить процессуальный статус обеспечивающего сотрудника, установить однозначные правила определения времени производства действия, ввести обязательные требования к защищённым и стандартизированным форматам видеозаписи, прописать императивный алгоритм действий при нештатных ситуациях. Также перспективным представляется дополнение ст. 453 УПК РФ специальной нормой, регламентирующей порядок направления международного запроса о правовой помощи с использованием ВКС с учётом обязательного подтверждения технологической готовности сторон. На ведомственном уровне необходима разработка и утверждение межведомственной инструкции, детально описывающей пошаговый порядок организации, проведения, технического обеспечения и фиксации результатов дистанционных следственных действий, включая единые стандарты оборудования, программного обеспечения и защищённых каналов связи. В материально-технической сфере требуется обеспечить плановое обновление парка оборудования для ВКС в следственных подразделениях, выделение выделенных и защищённых каналов связи, а также создание специально оборудованных звукоизолированных помещений для проведения таких действий. Для развития кадрового потенциала необходимо

внедрить в систему профессиональной подготовки и дополнительного образования следователей и дознавателей специальные курсы, направленные на формирование цифровых компетенций, углублённое изучение тактики дистанционного допроса и иных действий, а также на преодоление психологического барьера при работе с новыми технологиями. Наконец, важно стимулировать и методически сопровождать практику, поощряя пилотное применение дистанционных форматов, активно обобщая и распространяя положительный опыт, что позволит сформировать устойчивые и эффективные стандарты работы.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в углублённом изучении психологических и коммуникативных аспектов дистанционного взаимодействия в следственной деятельности, разработке криминалистических методик использования передовых технологий: искусственный интеллект для анализа невербальных реакций, биометрические системы для аутентификации, для повышения достоверности доказательств, а также в сравнительно-правовом анализе наиболее прогрессивных зарубежных моделей «цифрового следствия» с целью адаптации лучших практик.

В ходе прохождения преддипломной практики в территориальном органе предварительного следствия (ОП № 10 УМВД России по г. Уфе), практических материалов проведения дистанционных следственных действий нет, как и в других территориальных отделах полиции г. Уфы Республики Башкортостан. Институт дистанционных следственных действий появился в УПК РФ не так давно, поэтому исследование основывалось на материалах судебной практики Российской Федерации. Однако, научное исследование имеет место быть ввиду перспективности выбранной темы.

Таким образом, дистанционное производство следственных действий представляет собой закономерный и объективно необходимый этап цифровой трансформации правоохранительной деятельности, отвечающий вызовам современности. Его успешная реализация зависит от комплексного и сбалансированного подхода, синтезирующего прогрессивное и

детализированное законодательное регулирование, устойчивое и современное техническое оснащение, высокий уровень профессиональной подготовки кадров и научно обоснованные, адаптированные криминалистические тактики. Последовательное преодоление выявленных системных проблем и реализация предложенных рекомендаций позволят трансформировать дистанционные режимы из потенциальной возможности в эффективный, законный и надежный инструмент повседневной работы современного следователя. Это будет способствовать существенной оптимизации процесса расследования, значительной экономии временных и финансовых ресурсов государства, преодолению территориальных барьеров и, что наиболее важно, укреплению гарантий прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Федеральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 6 октября 2022 г. (дата обращения: 10.01.2026).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – ст. 2345.

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 323-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 49. – ст. 6419.

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2022 г. № 610-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – №1. – ст. 57.

5. О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 27.12.2009 г. № 346-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 52 (ч. 1). – ст. 6422.

6. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 12.11.2018 № 410-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2018. – №47. – Ст. 7131.

7. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. Дата опубликования: 10.05.2017 г. Номер опубликования: 0001201705100002. - Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт].

- URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002>. (дата обращения: 03.02.2026).

8. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 25.12.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации, – № 34, 23.08.2004, – ст. 3534.

9. Устав уголовного судопроизводства. Издание 1914 года со всеми позднейшими узаконениями и с объяснениями по решениям уголов. кас. деп. Правительствующего Сената по 1916 год / Сост. Д.А. Каплан. - 2-е изд. - Екатеринослав: Тип. И.Е. Коган, – 1914. – 938 с.

10. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. Москва: Народный комиссариат юстиции. Источник электронной копии: ПБ 1 марта 1923г. № 7. Отд. 1. – 1923. – 97–178 с.

11. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. Москва: Народный комиссариат юстиции 9 августа 1923 г. № 54. Отд. 1. – 1923. – 981–992 с.

12. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Закон РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 31 октября 1960 г., – № 40. – с. 592.

II. Учебная, научная литература и иные материалы

1. Аглетдинова, Д.И. Актуальные вопросы проведения следственных действий при расследовании дистанционных мошенничеств // Актуальные вопросы научного познания молодого ученого: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 20 июня 2024 года. – Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ. – 2024. – С. 27–32.

2. Баданова, А.Н. О реализации проекта «Передвижной модуль для проведения дистанционных следственных действий» // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2022. – № 3 (37). – С. 150–157.

3. Баданова, А.Н. О технико-криминалистическом обеспечении производства дистанционных следственных действий // Следственная деятельность: наука, образование, практика. – 2022. – № 2. – С. 192–196.

4. Баев, О.Я., Солодов, Д.А. Криминалистический комментарий к процессуальному порядку производства следственных действий по УПК России // М.: Эксмо, – 2010. – 240 с.

5. Белкин, Р.С. Криминалистика и научно-технический прогресс. М.: Высш. школа МВД СССР. – 1972. – 478 с.

6. Власов, П.Е. Проблемы производства следственных действий в дистанционном формате // Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 22 марта 2024 года. – Омск: Омская академия МВД РФ. – 2024. – С. 20–22.

7. Власов, П.Е. Тактические особенности производства следственных действий в дистанционном режиме // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 15 ноября 2024 года. – Омск: Омская академия МВД РФ. – 2025. – С. 98–101.

8. Галяутдинов, Р.Р. К вопросу о дистанционном проведении некоторых следственных действий // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14, – № 4 (54). – С. 79–84.

9. Горбенко, Т.В. Дистанционное решение технико-криминалистических задач следственных действий поисково-познавательного характера // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. – № 4 (54). – С. 31–34.

10. Горбенко, Т.В. Теоретико-прикладная модель криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий //

Следственная деятельность: наука, образование, практика. – 2023. – № 3. – С. 223–226.

11. Дударев, В.А, Маевский, С.С. Дистанционное проведение отдельных следственных действий: тенденции, перспективы, критический анализ // Уголовная юстиция. – 2024. – № 23. – С. 63–66.

12. Казаха, М.В. Дистанционные следственные действия: исключение из правил или отражение современной действительности в уголовно процессуальной системе России? // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики: сборник статей XX Международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 01–02 апреля 2021 года. – Москва: Российский государственный университет правосудия. – 2022. – С. 667–670.

13. Кравец, Е.Г. Ресурсное обеспечение дистанционных следственных действий сквозь призму технико-экономического анализа // Актуальные проблемы предварительного расследования, Волгоград, 24–26 октября 2019 года. – Волгоград: ИП Черняева Юлия Игоревна (Издательский дом «Сириус»). – 2020. – С. 91–97.

14. Локтевич, О.И. Деятельность следователя по обеспечению права на защиту при проведении «дистанционных» следственных действий // Юстиция Беларуси. – 2024. – № 5 (266). – С. 48–54.

15. Мосин, И.В. Тактические особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования дистанционных мошенничеств // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 4 (22). – С. 52–58.

16. Нугаева, Э.Д. Алгоритмы следственных действий на первоначальном этапе расследования мошенничества при оказании оккультных услуг, совершенных дистанционным способом // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2018. – № 18-1. – С. 79–80.

17. Овчинникова, О.В. Производство дистанционных следственных действий: опыт зарубежных стран // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 3 (38). – С. 87–91.

18. Плахота, К.С. Особенности оформления результатов следственных действий, осуществляемых дистанционно // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2023. – № 4 (65). – С. 106–111.

19. Романченко, М.Д. Дистанционное проведение следственных действий: современные технологии и их влияние // Государство, право, общество: системные основы развития и взаимодействия: Сборник статей научно-представительских мероприятий, Москва, 01 – 31 января 2025 года. – Москва: Индивидуальный предприниматель Колупаева Елена Владимировна. – 2025. – С. 325–330.

20. Рудых, А.А. К вопросу криминалистического обеспечения информационной безопасности дистанционных следственных действий // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: Сборник материалов международной научно-практической конференции, Иркутск, 16–17 марта 2023 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2023. – С. 104–108.

21. Савельева, М.В. О необходимости разработки тактики дистанционных следственных действий // Следственная деятельность: наука, образование, практика. – 2022. – № 2. – С. 276–279.

22. Самсонов, П.А. Дистанционное производство следственного действия с участием обвиняемого, находящегося за пределами Российской Федерации / П. А. Самсонов // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 4 (191). – С. 358–360.

23. Сергеева, Д.Р. Особенности проведения следственных действий с использованием виртуального пространства и дистанционных технологий // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: Сборник научных статей XVIII международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования в рамках V Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей», Санкт-Петербург, 28 мая 2025

года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ. – 2025. – С. 648–654.

24. Сиротинин, Д.А. Место производства следственного действия при использовании дистанционных технологий // Проблемы и перспективы разработки и интеграции современных технологий: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 24 марта 2025 года. – Sterlitaмак: Агентство международных исследований. – 2025. – С. 193–198.

25. Смушкин, А.Б. Дистанционные следственные действия с электронной информацией (анализ зарубежной практики и постановка вопроса в России) // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. – 2023. – № 1(21). – С. 20–27.

26. Ушаков, А.Ю., Кирянина, И.А. О введенной в уголовно-процессуальный закон норме, позволяющей проводить отдельные следственные действия посредством дистанционных ресурсов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – №1. – С. 57–62.

27. Элькинд, П.С. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство // Сов. Юстиция. – 1977. – № 3. – С. 7–8

28. Язева, Е.Е. Актуальные проблемы дистанционного производства следственных действий // Демидовский юридический журнал. – 2023. – Т. 13, – № 1. – С. 106–115.

29. Яценко, С.И. Применение дистанционных технологий в допросе и их влияние на тактику проведения данного следственного действия // Уголовно-правовое обеспечение правоохранительной деятельности: взгляд молодежи: Материалы научно-практической конференции, проведенной в рамках I Съезда Молодежной секции Международного союза криминалистов, Москва, 27 сентября 2024 года. – Москва: Московская академия следственного комитета. – 2024. – С. 400–404.

III. Эмпирические материалы

1. Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. - Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. - URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/31566. (дата обращения: 03.02.2026).

2. Определение Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2002 г. № 315-О «По жалобе гражданина Худоерова Дониера Тошпулатовича на нарушение его конституционных прав статьей 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 5. – Ст. 502.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 538-О «По жалобе гражданина Давыдова Андрея Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2007.

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений, составляющих государственную и (или) служебную тайну.

К.Р. Судурова

Анкета

для следователей и сотрудников органа дознания

Уважаемые коллеги,

Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации проводит научное исследование на тему: «Тактические особенности производства следственных действий в дистанционном порядке»

Просим Вас принять участие в **анонимном** анкетировании на представленные ниже в таблице вопросы и выбрать один или несколько вариантов ответа. Напротив, каждого вопроса ответ, который по вашему мнению является верным, Вы обводите в кружочек.

Ваши ответы необходимы для анализа исследования и оценки необходимости введения в практический опыт проведения следственных действий в дистанционном формате.

Заранее благодарим!

1. Какую должность Вы занимаете?			
А. Следователь		Б. Дознаватель	
2. Каков Ваш стаж работы в занимаемой должности?			
А. до 5 лет	Б. от 5 до 10 лет	В. от 10 до 15 лет	Г. свыше 15 лет
3. Как Вы оцениваете целесообразность дистанционного производства следственных действий?			
А. Положительно, необходимо внедрение дистанционных технологий	Б. Удовлетворительно, требует доработки и усовершенствования	В. Затрудняюсь ответить	Г. Отрицательно, вызывает много сложностей и проблем
4. Как Вы считаете какие проблемы могут возникнуть при производстве следственных действий в дистанционном порядке?			
А. Сложность освоения сотрудниками платформы для ВКС	Б. Недостаточное оснащение организационно-техническим оборудованием сотрудников	В. Риск утраты безопасности и конфиденциальности данных участников процесса	Г. Проблемы подписания и ознакомления с документами участников процесса

5. Ниже представлен перечень следственных действий для оценки необходимости их дистанционного проведения:					
№	Следственные действия:	А) Полностью согласен	Б) Скорее согласен	В) Скорее не согласен	Г) Полностью не согласен
1.	Допрос свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста, подозреваемого, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей				
2.	Очная ставка				
3.	Предъявление для опознания				
4.	Освидетельствование				
5.	Следственный эксперимент				
6.	Проверка показаний на месте				
7.	Допрос обвиняемого				
8.	Допрос подозреваемого				
9.	Получение образцов для сравнительного исследования				